

Личность как субъект образования
на различных этапах жизненного пути
и проблемы психологии воспитания

УДК 159.9

<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2021-3-1-87-94>

Результаты исследования этнической идентичности чеченских студентов

М. Т. Хасханова✉¹

¹ Чеченский государственный педагогический университет, 364068, Россия, г. Грозный, пр. Х. Исаева, д. 62

Сведения об авторе:

Милана Тахировна Хасханова,
SPIN-код: 2483-3499,
ORCID: 0000-0002-0458-7764,
e-mail: milaaa@mail.ru

Для цитирования:

Хасханова, М. Т.
(2021) Результаты исследования
этнической идентичности
чеченских студентов. *Психология
человека в образовании*, т. 3, № 1,
с. 87–94.
<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2021-3-1-87-94>

Получена 21 декабря 2020;
прошла рецензирование
25 декабря 2020; принята
25 декабря 2020.

Права: © Автор (2021).
Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях
лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. Работа посвящена анализу современного состояния этнической идентичности представителей студенческой молодежи в Чеченской Республике, что представляется актуальным направлением исследования в области социальной психологии и отражает потребность в сохранении этнокультурных традиций и формировании позитивной этнической идентичности молодых людей. В статье представлены результаты исследования этнической идентичности 360 студентов Чеченского государственного педагогического университета в возрасте от 18 до 28 лет с помощью блока методики Н. М. Лебедевой, А. Н. Татарко «Валентность и определенность этнической идентичности» и методики Г. У. Солдатовой, С. В. Рыжовой «Типы этнической идентичности». Показано, что студенты характеризуются выраженной позитивной этнической идентичностью, обусловленной потребностью в идентификации со своей этнической группой, консолидированностью с ней и сопровождающейся доминированием этнических интересов и целей при оптимизме в отношении будущего межэтнических отношений, построенных на доверии и взаимопонимании между народами. В работе представлен сравнительный анализ половых и возрастных различий в позитивности, определенности, типах этнической идентичности (этноиндифферентность, позитивная этническая идентичность в норме, этнонигилизм, этнический изоляционизм, этноэгоизм, этнический фанатизм) у чеченских студентов. Так, позитивная этническая идентичность выше у девушек, что сопровождается более выраженным оптимизмом относительно будущего межэтнических отношений. Юношам же свойственны более высокие показатели по этноцентристским тенденциям, таким как этноэгоизм, этноизоляционизм и этнический фанатизм. С возрастом позитивность этнической идентичности у чеченских студентов снижается, что приводит, с одной стороны, к усилению равнодушного отношения к своей этнической принадлежности, а с другой — к повышению этноцентризма, отражающему доминирование этнических интересов и целей.

Ключевые слова: идентичность, этническая идентичность, чеченские студенты, позитивная этноидентичность, этнос, этническое самосознание, общероссийская идентичность.

Ethnic identity of Chechen students: Research outcomes

M. T. Khaskhanova✉¹

¹ Chechek State Pedagogical University, 62 Isaeva Str., Grozniy 364068, Russia

Author:

Milana T. Khaskhanova,
SPIN: 2483-3499,
ORCID: 0000-0002-0458-7764,
e-mail: milaaa@mail.ru

For citation:

Khaskhanova, M. T.
(2021) Ethnic identity of Chechen students: Research outcomes. *Psychology in Education*, vol. 3, no. 1, pp. 87–94.
<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2021-3-1-87-94>

Received 21 December 2020;
reviewed 25 December 2020;
accepted 25 December 2020.

Copyright: © The Author (2021).
Published by Herzen State
Pedagogical University of Russia.
Open access under [CC BY-NC](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/)
License 4.0.

Abstract. The article explores the current state of ethnic identity of students in the Chechen Republic. The research is relevant for social psychology since it reflects the need to preserve ethno-cultural traditions and form a positive ethnic identity of young people. The article presents the results of a study of ethnic identity of 360 students aged 18 to 28 from the Chechen State Pedagogical University. The research methodology includes a set of tools developed by N. M. Lebedeva and A. N. Tatarko “Valence and definiteness of ethnic identity” as well as the methodology of G. U. Soldatova and S. V. Ryzhova “Types of ethnic identity”. It is shown that students are characterized by a pronounced positive ethnic identity. Behind this positive result is the need to identify with their ethnic group and the need for consolidation. Another reason is the dominance of ethnic interests and goals combined with optimism about the future of interethnic relations based on trust and mutual understanding between peoples. The paper presents a comparative analysis of gender and age differences in positivity, certainty, and types of ethnic identity — ethnic indifference, positive ethnic identity, ethnic nihilism, ethnic isolationism, ethnic egoism, and ethnic fanaticism — among Chechen students. Thus, positive ethnic identity is higher among female respondents who also show a more pronounced optimism about the future of inter-ethnic relations. Male respondents tend to have higher rates of ethnocentric tendencies such as ethnic egoism, ethnic isolationism, and ethnic fanaticism. With age, the positivity of ethnic identity among Chechen students decreases, which leads, on the one hand, to an increase in indifference to their ethnicity, and, on the other, to an increase in ethnocentrism with the dominance of ethnic interests and goals.

Keywords: identity, ethnic identity, Chechen students, positive ethnic identity, ethnoscience, ethnic identity, general identity of Russians.

Введение

В современном поликультурном обществе, которому присуща утрата смысловых универсальных основ человеческого бытия и этнической культуры, личность сталкивается со сложностями при выборе идентификационных ориентиров, обусловленными постоянными изменениями динамично трансформирующихся традиционных культурных оснований (Стефаненко 2009) и влиянием культурных моделей, отражающих отличающиеся системы ценностей и социальные нормы (Дреев 2016). Безусловно, личность в условиях поликультурной среды, являясь субъектом межкультурного взаимодействия, оказывается под воздействием ценностей разных культур, которые достаточно часто носят неоднозначный, а порой и противоречивый характер, ставя человека перед выбором, вызывая диссонанс ценностей, что отражается на социальной, этнической, личностной и религиозной идентичности.

Изменения, детерминированные процессами модернизации и глобализации современного общества, неизбежно приводят к перестраива-

нию ценностно-смысловой структуры личности, в том числе представителей традиционных культур, что не может не отразиться на их социальной, в том числе и этнической, идентичности (Дреев 2016). Исходя из вышесказанного, изучение этнической идентичности молодежи представляется актуальным направлением в социально-психологических исследованиях.

Теоретический обзор

Проблема идентичности личности отражена в философских, социологических, психологических, психолого-педагогических и социально-психологических работах как зарубежных, так и отечественных исследователей: У. Джеймса, Дж. Тернера, Г. Тэджфела, З. Фрейда, Э. Фромма, Э. Эриксона, Б. Ф. Поршнева, Н. М. Лебедевой, А. В. Микляевой, А. В. Мудрик, Л. Г. Почебут, П. В. Румянцевой, М. В. Верещагиной, О. И. Дреева, Л. М. Дробичевой, С. В. Лурье, Т. Г. Стефаненко, В. Ю. Хотинец, Ю. П. Платонова и др.

В своей работе мы опирались на понимание этнической идентичности как динамического, диспозиционного образования социальной

идентичности (Почебут 2005), формирующегося в результате осознания своей принадлежности к определенной этнической общности (Дробижева 2002) в структуре этнического самосознания (Хотинец 2002). Она «проявляется в установке в отношении себя в связи с принадлежностью к определенному этносу, интегрирует индивида с этнической общностью и выполняет функцию социальной регуляции в ситуации межэтнического взаимодействия» (Верещагина 2012, 91).

Согласно концепции С. Московичи, можно говорить о существовании идентификационной матрицы, включающей множество идентификаций, связанных с принадлежностью личности: общечеловеческую, половую, религиозную, этническую, профессиональную и т. д. (цит. по: Højjer 2011).

Но, несмотря на изученность структуры идентичности личности, вопрос о соотношении различных видов социальной идентичности в настоящее время остается неизученным. Требуется рассмотрения проблема этнической идентичности в современных условиях развития Чеченской Республики с позиции социально-психологического подхода, который позволяет раскрыть и описать феноменологию и закономерности социального поведения представителей данной этнокультурной группы.

Г. И. Галиева считает, что сегодня молодые люди подвержены влиянию современных ценностей, декларируемых с Запада, что снижает потребность в соблюдении народных традиций как «пережитков старого домоустройства», однако все еще достаточно высок ее потенциал в сохранении культуры, что особенно выражено у представителей сельской местности (Галиева 2016, 237), что обусловлено особенностями воспитания в современных мусульманских семьях, где родители «стремятся воспитывать своих детей, прививая им этнические, религиозные традиции».

Результаты исследований О. С. Павловой, В. М. Миназовой, О. Е. Хухлаева (Павлова, Миназова, Хухлаев 2016), А. Х. Тарамовой, М. Т. Хасхановой (Хасханова, Тарамова 2017) и др., посвященных анализу религиозной идентичности чеченских студентов, показали, что она характеризуется структурностью (Хасханова, Тарамова 2017, 257). Исследователи показали, что студенты Чечни в первую очередь идентифицируют себя с представителями религии, т. е. мусульманами, и религия для них является определяющей образ жизни ценностью, а затем

уже определяют себя как представителей чеченского народа. При этом наибольшим весом в структуре религиозной идентичности чеченских студентов обладает показатель удовлетворенности членством в группе, выраженность интрупповой идентичности и сплоченность / приверженность к группе (Павлова, Миназова, Хухлаев 2016, 96).

Результаты пилотажного исследования, проведенного нами ранее на базе Чеченского государственного педагогического университета в 2017 году, согласуются с результатами вышеуказанных исследований (Хасханова, Тарамова 2017). Мы выявили, что влияние религии на студенческую молодежь Чечни является очень сильным, что сопровождается выраженными тенденциями религиозных ориентаций и религиозной идентичности среди чеченских студентов.

Анализ результатов вышеупомянутых исследований позволил сформулировать гипотезу о том, что у чеченских студентов будет низкая степень позитивности и определенности этнической идентичности при повышении этноиндифферентных тенденций.

Цель исследования — определить характеристики и типы этнической идентичности чеченских студентов.

Организация и методы исследования

Объект исследования — чеченские студенты. Предмет исследования — этническая идентичность чеченских студентов.

Для изучения характеристик этнической идентичности чеченских студентов, составивших выборку исследования (360 студентов Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения «Чеченский государственный педагогический университет» (г. Грозный) в возрасте от 17 до 28 лет, среди них 225 девушек и 134 юноши), мы использовали следующие психодиагностические методики:

1) блок анкеты Н. М. Лебедевой и А. Н. Тарарко, направленный на выявление валентности и определенности этнической идентичности, а также готовности к межэтническим контактам (Тарарко, Лебедева 2011);

2) методику Г. У. Солдатовой, С. В. Рыжовой «Типы этнической идентичности», выявляющую выраженность этнонигилизма, этноиндифферентности, позитивной этноидентичности, этноэгоизма, этноизоляции, национального фанатизма (Емельянова 2015).

Математическую обработку данных исследования осуществляли с помощью стандартных

пакетов обработки данных Microsoft Excel XP и SPSS for Windows v.13.0.

Результаты и их обсуждение

Анализ результатов исследования валентности и определенности этнической идентичности чеченских студентов с помощью анкеты А. Н. Татарко и Н. М. Лебедевой показал, что 19,3% выборки характеризуются низким уровнем позитивности этнической идентичности, что отражает угасание стремления сохранять культуру, историю своего народа и сопровождается отрицанием его положительного образа.

17,3% обладают средним уровнем позитивности этнической идентичности, что выступает вполне нормальной формой идентичности, которую человек стремится сохранить или восстановить в связи с тем, что она дает ему ощущение психологической безопасности и стабильности: образ собственного народа воспринимается как положительный, что сопровождается благоприятным отношением к его культуре и истории.

58,1% респондентов имеют высокий уровень позитивности этнической идентичности, что, согласно авторам методики, представляет собой доминирующую этническую идентичность в иерархии социальных идентичностей индивида (Татарко, Лебедева 2011), обусловленную выраженной потребностью в идентификации со своей этнической группой, консолидированностью с ней, в сочетании с этноцентристскими предубеждениями и стереотипами в отношении к другим этническим группам, сопровождается уклонением от тесного взаимодействия с ними и проявлением интолерантности в межэтническом взаимодействии.

Неопределенность этнической идентичности выявлена у 10,9% выборки. Данный показатель характеризуется неустойчивостью этнической идентичности и отсутствием четкости при осознании себя членом этнической группы. 83,8% респондентам свойственна четкая и устойчивая этническая идентичность.

Результаты по шкале общероссийской идентичности показали, что 51,4% выборки имеют низкую степень ее выраженности, что говорит о слабой значимости для этих респондентов российской принадлежности. 36,7% респондентов — с умеренной степенью выраженности общероссийской идентичности, когда она является актуальной, а 6,6% — с высокой выраженностью общероссийской идентичности, которая выступает значимой и доминирующей в структуре идентификационной матрицы социальной идентичности личности.

С низким уровнем оптимизма относительно будущего межэтнических отношений выявлено 34,3% выборки. Эти респонденты не верят в прекращение конфликтов между народами, в доверие между ними и установление взаимопонимания, считая, что в будущем межнациональная напряженность сохранится. 49,4% респондентов имеют средний уровень оптимизма, построенный на положении о том, что доверие и взаимопонимание между народами в будущем достижимо, а конфликты и межнациональная напряженность, возможно, будут проявляться в меньшей мере. Высоким уровнем оптимизма относительно будущего межэтнических отношений обладают 11% опрошенных, которые твердо верят в прекращение конфликтов между народами и искоренение межнациональной напряженности, в построение межэтнических отношений на основе доверия и взаимопонимания.

Результаты по методике Г. У. Солдатовой и С. В. Рыжовой показали, что большая часть выборки (79,1%) характеризуется преобладанием позитивной этнической идентичности по типу нормы, что сопровождается позитивным образом своей этнической группы с позитивным ценностным отношением к представителям другим этнических групп. Согласно авторам методики (Емельянова 2015), такая позитивная этническая идентичность приобретает статус «нормы». Для этнической идентичности данного типа характерны высокая толерантность и готовность к межэтническим контактам, обусловленные стремлением к позитивной этнической идентичности, при которой не только осуществляется повышение своей самооценки, но и проявляется стремление повысить престиж и статус своей этнической группы.

Позитивная нормальная этническая идентичность респондентов вовсе не предполагает эмоциональной однозначности межэтнических отношений, в которые они включены. «Норма» допускает колебания в некоторых пределах. Нормальная позитивная идентичность иногда сопровождается различными гиперпозитивными этническими тенденциями. Так, например, нами выявлено 26,7% выборки с этнической идентичностью по типу «национальный фанатизм», при котором наблюдается доминирование этнических интересов и целей.

Также определились респонденты с выраженной этноиндифферентностью, что составило 22,8% выборки. Эти студенты-чеченцы характеризуются равнодушным отношением к этничности и проблеме межэтнических отношений, выделению этнических ценностей.

Они демонстрируют независимое от норм и традиций поведение, а свои жизненные поступки и поведение не определяют предписанными этнической группой нормами, отражающими этническую принадлежность. Тенденции этноиндифферентности дополняют установку на межэтническое взаимодействие, так как они выражены наряду с этнической идентичностью по типу «нормы».

Этнонигилизм выявлен у 1,9% выборки, что сопровождается отрицанием этничности и этнических ценностей. Эти данные не говорят о ценности и значимости этничности как характеристики при взаимодействии людей.

Этноизоляционизм продемонстрировали 7,5% респондентов, что характеризуется убежденностью в превосходстве своей этнической группы, согласием относительно того, что необходимо «очищение» этнической культуры, что сопровождается негативным отношением к брачным гетероэтническим союзам и ценностям «чужих» народов. Этноэгоизм свойственен

5,3% выборки, что проявляется в ощущении «природного» приоритета ценностей и интересов чеченской группы над другими этническими группами. Данная этноэгоистическая тенденция может проявляться на вербальном уровне при восприятии превосходства своего народа, иногда может сопровождаться раздражением и напряженностью в ситуации межэтнического взаимодействия или признанием за своим народом права решать собственные проблемы за «чужой» счет.

Сравнительный анализ с помощью Т-критерия показателей по юношам и девушкам позволил выявить половые различия исследуемых переменных. В результате получили данные о том, что позитивность этнической идентичности по методике Г. У. Солдатовой и С. В. Рыжовой, как и по методике А. Н. Татарко и Н. М. Лебедевой, выше у женщин в сравнении с мужчинами на уровне статистической достоверности $p < 0,05$ и $p < 0,001$ соответственно (см. табл. 1).

Табл. 1. Половые различия в этнической идентичности у чеченских студентов

Шкала	Между женщинами и мужчинами	N	Среднее	Стандарт. отклонение	Т-критерий	Асимпт. знач. (2-стор.)
Позитивность этнической идентичности	женщины мужчины	219 121	24,42 23,17	4,473 6,127	2,171	0,031
Амбивалентность этнической идентичности	женщины мужчины	219 121	7,38 7,52	4,028 5,320	-0,267	0,789
Российская идентичность	женщины мужчины	219 121	14,73 14,69	4,472 4,163	0,081	0,935
Оптимизм относительно будущего межэтнических отношений	женщины мужчины	219 121	18,62 15,19	5,811 5,316	5,413	0,000
Этнонигилизм	женщины мужчины	221 134	3,56 5,49	3,740 3,526	-4,812	0,001
Этноиндифферентность	женщины мужчины	221 134	8,36 9,14	4,012 3,286	-1,908	0,057
Позитивная (в норме) этническая идентичность	женщины мужчины	221 134	16,51 15,09	3,487 4,701	3,256	0,001
Этноэгоизм	женщины мужчины	221 134	6,70 7,65	3,042 2,969	-2,872	0,004
Этноизоляционизм	женщины мужчины	221 134	6,96 8,56	2,692 2,901	-5,272	0,000
Национальный фанатизм	женщины мужчины	221 134	8,02 10,21	3,057 3,486	-6,204	0,000

При этом выявлены значимые половые различия по шкале оптимизма относительно будущего межэтнических отношений у чеченских студентов, которые выше у женщин на уровне достоверности $p < 0,001$. А вот этноцентристские тенденции в большей степени выражены у мужчин, чем у женщин. Так, проявления национального фанатизма статистически достоверно отличаются при $p < 0,001$, этноэгоизма — при $p < 0,005$, этноизоляционизма — при $p < 0,001$. Показатели по этнонигилизму также выше в мужской выборке при сравнении с женской на уровне достоверности $p < 0,001$.

Как мы видим из таблицы 2, при сравнении показателей по шкалам этнической идентичности выявлены статистически достоверные возрастные различия в группах до 22 лет и старше.

Так, у респондентов младше 22 лет более выражены такие показатели, как позитивная

этническая идентичность, при которой этническая идентичность занимает значимое место в идентификационной матрице. Это обусловлено выраженной потребностью в идентификации со своей этнической группой, консолидированностью с ней (при $p < 0,001$), что сопряжено с позитивным отношением к своей этнической группе при позитивном ценностном отношении к другим этническим группам (при $p < 0,1$), оптимизмом относительно будущего межэтнических отношений и верой в построение межэтнических отношений на основе доверия и взаимопонимания (при $p < 0,1$), что сопровождается этноэгоистическим ощущением «природного» приоритета ценностей и интересов своей этнической группы над другими и выражается в общении с представителями других этнических групп через восприятие собственной как доминирующей и эталонной, иногда приводя к напряженности и раздражению в межэтническом общении (при $p < 0,001$).

Табл. 2. Возрастные различия в показателях этнической идентичности у чеченских студентов

Шкала	Между возрастными группами	N	Среднее	Стандарт. отклонение	T-критерий	Асимпт. знч. (2-стор.)
Позитивность этнической идентичности	до 22 лет старше 23 лет	270 71	24,50 22,03	4,290 7,260	3,672	0,000
Амбивалентность этнической идентичности	до 22 лет старше 23 лет	270 71	7,60 6,75	4,565 4,312	1,418	0,157
Российская идентичность	до 22 лет старше 23 лет	270 71	14,61 15,10	4,270 4,663	-0,839	0,402
Оптимизм относительно будущего межэтнических отношений	до 22 лет старше 23 лет	270 71	17,69 16,37	6,073 4,888	1,691	0,092
Этнонигилизм	до 22 лет старше 23 лет	270 71	4,26 4,41	3,771 3,793	-0,302	0,763
Этноиндифферентность	до 22 лет старше 23 лет	270 71	8,23 10,25	3,770 3,345	-4,174	0,000
Позитивная (в норме) этническая идентичность	до 22 лет старше 23 лет	270 71	16,18 15,22	3,924 4,404	1,818	0,070
Этноэгоизм	до 22 лет старше 23 лет	270 71	7,41 5,74	3,097 2,450	4,283	0,000
Этноизоляционизм	до 22 лет старше 23 лет	270 71	7,64 7,32	2,996 2,362	0,859	0,391
Национальный фанатизм	до 22 лет старше 23 лет	270 71	8,64 9,68	3,329 3,523	-2,363	0,019

Респонденты старше 23 лет отличаются от более молодого поколения, с одной стороны, этноиндифферентными тенденциями (при $p < 0,001$), проявляющимися в равнодушном отношении к проблеме собственной этничности и межэтнических отношений, в демонстрации независимости от норм и традиций своей этнической группы, когда свои поступки и поведение не определяются этнической принадлежностью или этничностью других людей, а с другой, этноцентрическими тенденциями и тенденциями национального фанатизма с доминированием этнических интересов и целей (при $p < 0,05$).

Полученные результаты исследования согласуются в определенной степени с данными исследований О. С. Павловой, В. М. Миназовой, О. Е. Хухлаева (Павлова, Миназова, Хухлаев 2016), демонстрирующими, что в идентификационной матрице чеченских студентов этническая идентичность не стоит на первом месте. Но, согласно нашему исследованию, это присутствует только пятой части выборки. Что касается преобладающего большинства студентов, то оно характеризуется высокой степенью позитивности и определенности этнической идентичности, что не подтвердило нашу гипотезу. Действительно, у современных студентов Чечни имеет место повышение этноиндифферентных тенденций, что составляет более пятой части выборки, но при этом выявлены этноцентрические тенденции с доминированием этнических интересов и целей, которые с увеличением возраста усиливаются. Данные результаты обращают на себя внимание в аспекте повышения эффективности межкультурного и межэтнического взаимодействия.

Выводы

Таким образом, в результате проведенного исследования выявлены особенности этнической

идентичности чеченских студентов, которые заключаются в доминировании и значимости позитивной этнической идентичности, являющейся определенной и устойчивой, что связано с выраженной потребностью в идентификации со своей этнической группой, консолидированностью с ней, сопровождается этноцентрическими тенденциями с доминированием этнических интересов и целей. Такое сочетание показателей этнической идентичности, вероятно, выступает отражением стремления чеченской этнической группы к доминированию на своей этнической территории. Выявленная высокая степень ассоциированности со своей этнической группой отражает актуальность и значимость для представителей чеченской студенческой молодежи этнической идентичности в сравнении с общероссийской идентичностью. Наряду с этноцентристскими проявлениями выявлены и этноиндифферентные тенденции с равнодушным отношением к определяющей роли этничности в межэтническом взаимодействии. Перспектива дальнейшего изучения этнической идентичности представителей чеченского этноса заключается в расширении возрастного диапазона выборки и разработке программ по сохранению этнической чеченской культуры и повышению позитивности этнической идентичности ее представителей.

Прикладная значимость проведенного исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы при разработке программ, направленных на повышение позитивности этнической идентичности, оптимизацию межэтнических взаимоотношений и профилактику этнического экстремизма, а также при подготовке лекционных курсов и семинарских занятий по социальной психологии, психологии личности, психологии современной молодежи, при подготовке и повышении квалификации педагогов и психологов.

Литература

- Верещагина, М. В. (2012) *Этническая идентичность и толерантность в условиях поликультурной общности*. Владикавказ: СОГПИ, 234 с.
- Галиева, Г. И. (2016) Потенциал молодежи в сохранении этноконфессиональных традиций: опыт фокус-группового исследования. В кн.: Е. И. Аринин (ред.). *Академическое исследование и концептуализация религии в XXI веке: традиции и новые вызовы: сборник материалов Третьего конгресса российских исследователей религии. 7–9 октября 2016 года, Владимир. В 6 т. Т. 3*. Владимир: Аркаим, с. 228–237.
- Дреев, О. И. (ред.). (2016) *Факторы риска внутриличностного конфликта в условиях поликультурного социума (на материалах Республики Северная Осетия — Алания)*. Владикавказ: СОГПИ, 134 с.
- Дробижева, Л. М. (2002) Российская, этническая и региональная идентичность: противостояние или совместимость. В кн.: Л. М. Дробижева (ред.). *Россия реформирующаяся*. М.: Academia, с. 213–244.
- Емельянова, Е. В. (2015) *Практикум по этнической психологии*. Иркутск: ИГУ, 158 с.
- Павлова, О. С., Миназова, В. М., Хухлаев, О. Е. (2016) Религиозная идентичность студентов-мусульман (на материале изучения молодежи, проживающей в Чеченской республике). *Культурно-историческая психология*, т. 12, № 4, с. 90–99. <https://doi.org/10.17759/chp.2016120409>

- Почебут, Л. Г. (2005) *Взаимопонимание культур. Методология и методы этнической и кросс-культурной психологии. Психология межэтнической толерантности*. СПб.: СПбГУ, 279 с.
- Стефаненко, Т. Г. (2009) *Этнопсихология*. 4-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 368 с.
- Татарко, А. Н., Лебедева, Н. М. (2011) *Методы этнической и кросскультурной психологии*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 236 с.
- Хасханова, М. Т., Тарамова, А. Х. (2017) Религиозная идентичность современной молодежи. В кн.: В. Ю. Гадаев, М. И. Лечиева (ред.). *Личность и культура в глобализирующемся мире: материалы Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), 23 ноября 2017 года, Грозный*. Махачкала: АЛЕФ, с. 254–258.
- Хотинец, В. Ю. (2002) *Этническая идентичность и толерантность*. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 121 с.
- Höijer, B. (2011) Social Representations Theory. A new theory for media research. *Nordicom Review*, vol. 32, no. 2, pp. 3–16. <https://doi.org/10.1515/nor-2017-0109>

References

- Dreev, O. I. (ed.). (2016) *Faktory riska vnutrilichnostnogo konflikta v usloviyakh polikul'turnogo sotsiuma (na materialakh Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya) [Risk factors of intrapersonal conflict in a multicultural society (based on the materials of the Republic of North Ossetia — Alania)]*. Vladikavkaz: SOGPI Publ., 134 p. (In Russian)
- Drobizheva, L. M. (2002) Rossijskaya, etnicheskaya i regional'naya identichnost': protivostoyanie ili sovместimost' [Russian, ethnic and regional identity: Confrontation or compatibility]. In: L. M. Drobizheva (ed.). *Rossija reformiruushchayasya [Russia Reforming]*. Moscow: Academia Publ., pp. 213–244. (In Russian)
- Emel'yanova, E. V. (2015) *Praktikum po etnicheskoy psikhologii*. Irkutsk: Irkutsk State University Publ., 158 p. (In Russian)
- Galieva, G. I. (2016) Potentsial molodezhi v sokhranении etnokonfessional'nykh traditsij: opyt fokus-gruppovogo issledovaniya [The potential of youth in preserving ethno-confessional traditions: The experience of focus group research]. In: E. I. Arinin (ed.). *Akademicheskoe issledovanie i kontseptualizatsiya religii v XXI veke: traditsii i novye vyzovy: sbornik materialov Tre'tego kongressa rossijskih issledovatelej religii, 7–9 okt. 2016 g., Vladimir [Academic research and conceptualization of religion in the XXI century: Traditions and new challenges: Materials of the 3rd Congress of Russian researchers of religion, 7–9 October 2016]: In 6 vols. Vol. 3. Vladimir: Arkaim Publ., p. 228–237. (In Russian)*
- Höijer, B. (2011) Social Representations Theory. A new theory for media research. *Nordicom Review*, vol. 32, no. 2, pp. 3–16. <https://doi.org/10.1515/nor-2017-0109> (In English)
- Khaskhanova, M. T., Taramova, A. H. (2017) Religioznaya identichnost' sovremennoj molodezhi [Religious identity of modern youth]. In: V. Yu. Gadaev, M. I. Lechieva (eds.). *Lichnost' i kul'tura v globaliziruyushchemsya mire: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferentsii (s mezhdunarodnym uchastiem), 23 noyabrya 2017 g., Groznyj [Personality and culture in a globalizing world: Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference (with international participation), 23 November 2017, Groznyj]*. Makhachkala: ALEF Publ., pp. 254–258. (In Russian)
- Khotinets, V. Yu. (2002) *Etnicheskaya identichnost' i tolerantnost' [Ethnic identity and tolerance]*. Ekaterinburg: Ural Federal University Publ., 121 p. (In Russian)
- Pavlova, O. S., Minazova, V. M., Khuhlaev, O. E. (2016) Religioznaya identichnost' studentov-musul'man (na materiale izucheniya molodezhi, prozhivayushchej v Chechenskoj respublike) [Religious identity of Muslim students (based on the study of young people living in the Chechen Republic)]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya — Cultural-Historical Psychology*, vol. 12, no. 4, pp. 90–99. <https://doi.org/10.17759/chp.2016120409> (In Russian)
- Pochebut, L. G. (2005) *Vzaimoponimanie kul'tur. Metodologiya i metody etnicheskoy i kross-kul'turnoj psikhologii. Psikhologiya mezhetnicheskoy tolerantnosti [Mutual understanding of cultures. Methodology and methods of ethnic and cross-cultural psychology. Psychology of interethnic tolerance]*. Saint Petersburg: St. Petersburg State University Publ., 279 p. (In Russian)
- Stefanenko, T. G. (2009) *Etnopsikhologiya [Ethnopsychology]*. 4th ed., correct. and compl. Moscow: Aspekt Press Publ., 368 p. (In Russian)
- Tatarko, A. N., Lebeдеva, N. M. (2011) *Metody etnicheskoy i krosskul'turnoj psikhologii [Methods of ethnic and cross-cultural psychology]*. Moscow: HSE Publishing House, 236 p. (In Russian)
- Vereshchagina, M. V. (2012) *Etnicheskaya identichnost' i tolerantnost' v usloviyakh polikul'turnoj obshchnosti [Ethnic identity and tolerance in a multicultural community]*. Vladikavkaz: SOGPI Publ., 234 p. (In Russian)